

УДК 930.1(091)
DOI 10.52452/19931778_2024_6_19

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ОПЫТ УЧИТЕЛЬСТВА М.Н. ТИХОМИРОВА В ПАМЯТИ БЛАГОДАРНЫХ УЧЕНИКОВ

© 2024 г.

Н.Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск

vhist@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2025

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) вполне заслужил остаться в памяти российского научного сообщества и как историк источниковедческой ориентации, и как непревзойденный организатор науки, нацеливавший молодёжь на развитие академического постижения прошлого России. Внимание автора сосредоточено на особенностях восприятия его личности учениками как создателя одной из первых научных школ в исторической науке XX в. В качестве историографических источников выступили тексты личного происхождения историков или элементы эго-текстов в их историографических трудах. Их изучение позволило выявить существенный субъективный психолого-антропологический фактор (сама личность учёного и его психологическая мотивация) в формировании самобытной и перспективной научной школы М.Н. Тихомирова. Она во многом обеспечила сохранение академических традиций исторической науки дореволюционной России при трансформациях перехода к СССР. Предлагается периодизация по поколениям научной школы М.Н. Тихомирова.

Ключевые слова: научная школа М.Н. Тихомирова, поколения учеников, коммеморационные практики, воспоминания об учителе.

К образу историка М.Н. Тихомирова

В период активного становления советской историко-научной системы (1930–1960-е гг.), органично включавшей и практики защит диссертаций, необходимо акцентировать схолярный опыт историка М.Н. Тихомирова (1893–1965). Современное издание его воспоминаний, дневников и переписки с учениками [1] позволяет не только получить представление о его многогранной научной деятельности, но и реконструировать «многолюдное» пространство созданной им научной школы и привнести в схолярно-историографическое исследование антропологический аспект.

Успешно защитив в мае 1939 г. докторскую диссертацию о происхождении текстов Русской Правды [2], М.Н. Тихомиров, работая в дальнейшем преимущественно в источниковедческом русле, создал одну из наиболее заметных схолярных консолидаций научной молодежи. Многие из них внесли существенный вклад в развитие исторической науки, сами стали наставниками для следующих поколений историков. Ученым была создана воистину «Тихомировская» школа, определившая развитие исторических и источниковедческих исследований Руси – средневековой России. Её появление следует связывать с особыми методами организации Тихомировым научно-педагогической деятельности. Оригинальная источниковедче-

ская проблематика историка, широкий диапазон использования возможностей вспомогательных/специальных исторических дисциплин открывали новые горизонты развития советской исторической науки, привлекая талантливых и мотивированных в своем большинстве учеников.

Особенности личности и характера Тихомирова, его исследовательская одарённость, трудолюбие и преданность научному делу как долгу, умение отделить научное от политического (он, например, отказался участвовать в посмертной критике М.Н. Покровского, не участвовал и в закрытом обсуждении «Слова» А.А. Зимина, заметив, что «шпицрутенами истину не доказывают» [3], хотя и не принял версию историка) выделяли его фигуру на фоне эпохи, к которой он принадлежал. Такое комплиментарное представление об учёном, педагоге и организаторе науки зиждется на эго-текстах его учеников.

Об учителе замолвите слово: старшее поколение учеников о М.Н. Тихомирове

Одно из особых свойств личности своего учителя подчеркнула его ученица – известный историк Е.В. Чистякова. Имея в виду ученическую среду, она отметила, что их учитель обладал «в первую очередь определенной сердечностью к людям, для того чтобы видеть ростки их

новых знаний, вовремя помочь» [4, с. 352–367]. Её статья о школе М.Н. Тихомирова опиралась на созданный ею же целостный образ Тихомирова-учителя, собственную отстранённую рефлексию состоявшегося историка [5]. К тому же она была одной из первых, кто транслировал научному сообществу актуальность схолярного подхода при историографическом изучении фигур такого масштаба и значения, подобных М.Н. Тихомирову.

Школа Тихомирова формировалась в сложнейшей социально-политической обстановке 1940–1950-х годов [6] на основе осмысления самим учителем собственной жизненной стези и научной деятельности на поприще вузовского преподавателя и проецирования этого опыта на свою педагогическую деятельность, а также забот о судьбах своих учеников. М.Н. Тихомиров стремился обрести учеников не только в силу обстоятельств «одинокости» личной, что многие его знавшие подчеркивали как особенность его жизненной ситуации. Она повлияла на душевную щедрость в работе с учениками, выражавшуюся чуть ли не в гипер-опеке их, быстрым восприятию их как коллег и друзей. Это целеполагание могло быть немаловажным мотивом в его случае. Но, несомненно, на первом плане научно-педагогической деятельности Тихомиров ставил задачу передать научный опыт молодому поколению ученых, ясно осознавая, что трансляция знаний в их среду – неперемное условие поддержания и развития научных традиций. Некий сплав подобных устремлений историка стал основой схолярной коммуникации под эгидой М.Н. Тихомирова, воспринимаемой и по сей день уникальной. В ней переплелись интенции личного и делового целеполагания учителя и заинтересованности учеников, тяготеющих к взаимному с ним научному творчеству.

Свой путь наставничества он выбрал самостоятельно, не преследуя каких-либо формальных поводов к получению неких преференций от этой деятельности. Это было его душевной потребностью. Никто не «назначал» его в ранг «учителя»: он им стал в силу взаимной (его и представителей студенческой среды) притягательности. Студенты нашли в Тихомирове талантливого ученого и преподавателя, у которого восприняли творческий импульс, как некую прививку потребности научного поиска и умений самостоятельно вырабатывать новое знание. Данный тезис подтверждается письмами Е.В. Чистяковой к М.Н. Тихомирову во времена её «воронежского периода». Она признавалась, что её жизнь имеет смысл только при условии активной научной деятельности. Одним из фак-

торов последней она называла ««прочистки» и добрые советы» своего учителя, которых ей не хватало [1, с. 672]. В её случае тихомировская «прививка» давала знать о себе со всей полнотой.

Человеческие качества и дар ученого-педагога превратили Тихомирова в определенный эталон научного руководителя для аспирантов середины 1940-х – 1950-х годов. В.А. Александров в мемуарной статье о наставнике [7] подчеркивал особые заботы учителя о своих подопечных учениках, круг которых, по свидетельству Е.В. Чистяковой, начал складываться еще в годы войны – с 1944 г. [4, с. 352]. Возможно, она имела в виду именно В.А. Александрова, который в этот период находился в Свердловске в связи с эвакуацией туда Московского университета. Характерны его письма М.Н. Тихомирову 1943 года. В них он не только отчитывался о своей текущей учебе. В письме от 26 марта он выразил глубокое беспокойство относительно дошедших до него слухов о возможном уходе Тихомирова из МГУ. Это повергло его в ужас: «<...> поймите моё состояние – работать под Вашим руководством четыре года и получить на пятый курс нового научного руководителя, рисуется мне личной глубокой катастрофой <...>. Напишите, пожалуйста, как обстоят Ваши дела в МГУ, и неужели Вы меня бросите?» Далее он детально изложил намеченную им структуру своей дипломной работы [1, с. 464–468]. В 1944 г., успешно завершив студенческую стезю, Александров вернулся в Москву, поступил в аспирантуру, а в 1947 г. под руководством Тихомирова защитил кандидатскую диссертацию «Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в.».

Отмечая в статье принципы научного руководства Тихомирова, Александров подчеркивал особенности взаимодействия учителя с учениками: он не только преподносил уроки профессионального мастерства, но на уровне простого человеческого участия «входил» в различные их жизненные перипетии, а «как преподаватель» «определял их творческий путь», «воспитывал неиссякаемый интерес к науке». «Он создал свою школу учеников, и в этом одна из славных и примечательных страниц, вписанных им в историю отечественной науки», – резюмировал он [7, с. 336.]. Можно признать, что тему научной школы Тихомирова В.А. Александров осознал и начал публично позиционировать одним из первых.

Особо он отметил значение забот Тихомирова в деле подготовки аспирантов, по поводу чего их учитель выступал уже перед новым поколением учеников со специальными докладами. В частности, В.А. Александров выявил в архив-

ном фонде учителя текст запланированного и тщательно разработанного им в начале 1952 г. выступления «К докладу о работе аспирантов». Этот источник примечателен тем, что показывает, какое значение М.Н. Тихомиров придавал методике и педагогике взращивания учёных. Опираясь на опыт общения с учителем, Александров подчеркивал, что именно в научном сотворчестве с аспирантами Тихомиров вырабатывал «прямые перспективы развития науки». «Богатый собственный опыт и научная интуиция помогали ему наметить для учеников темы, бесспорно нуждавшиеся в разработке», – подчеркивал он, определяя основу прочной scholarной традиции, выработанной учителем. Актуальной для аспирантов выглядела приведенная им же цитата из записок Тихомирова, адресованных им: «Диссертация всегда должна дать что-то новое, быть необходимым двигателем в науке» [7, с. 329].

Характерны и другие признания значимости личности Тихомирова для его учеников, запечатлённые в переписке с учителем. Примечательны письма специалиста по истории Новгорода в XVI в., Донской земли в XVIII в., а также в области вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения А.П. Пронштейна, работавшего после защиты в 1949 г. кандидатской диссертации в университете Ростова-на-Дону. В 1953 г. он писал Тихомирову: «<...> я чувствую, как много дало мне общение с Вами и работа под Вашим руководством <...>. Я чувствую, что имею школу (курсив мой. – Н.А.), которая дает мне возможность здесь в Ростове работать самостоятельно и не отрываться от научной жизни <...>» [1, с. 575]. «Ваша творческая жизнь является для меня образцом, которому я стараюсь следовать по мере своих сил», – признавался он Тихомирову в 1954 г. [1, с. 586].

Примечательно, что тема научной школы, присутствующая в письмах Пронштейна 1950-х годов, оказалась созвучна идеям известного библиографического указателя о диссертациях, защищенных в Московском университете с 1934 по 1954 г. Составители указателя (во главе с П.А. Зайончковским) поставили задачей зафиксировать научных руководителей диссертантов с целью установления тенденций формирования научных школ, наметившихся в постсталинский период [8, с. 7]. Можно полагать, что середина 1950-х гг. в научной жизни страны позиционировалась современниками обнадеживающим началом возрождения scholarных традиций в российской науке, и прежде всего – в стенах столичного университета.

Вместе с тем пространство советской науки 1940–1950-х гг., когда наметилась консолида-

ция учеников вокруг М.Н. Тихомирова, имело немало политических, организационных и методологических препятствий, сдерживавших процесс создания и признания научных школ в гуманитарной области знаний, в том числе в исторической науке. При компенсации издержек (политические кампании, прокрустово ложе от идеологии и пр.) следует учитывать такую «тонкую материю», как индивидуальный мир той личности, кого тогдашние студенты выбирали своим учителем.

Можно согласиться, что М.Н. Тихомиров обладал особой жизненной психологией, в силу которой он нуждался в учениках, поскольку общение с молодежью подпитывало его внутренней энергией, становилось основой выработки новых идей и собственной жизнестойкости. В союзе с учениками складывалось сотворчество, что формировало специфическую «цепную реакцию» выработки и обретения нового знания от учителя к ученикам. Он их любил, насколько выражение этого чувства применимо к научному общению, ученики отвечали взаимностью. Несмотря на вспыльчивый характер учителя, они признавали его несомненный талант как ученого-историка и нуждались в его поддержке. Не случайно Е.В. Чистякова подчеркнула: «Аспиранты и вообще ученики были в какой-то мере семьей холостого и бездетного Михаила Николаевича <...>» [4, с. 356].

Тема «одиночества» Тихомирова и ученического окружения, заменявшего ему семью, была подчеркнута сверстником его первых учеников – историком Ю.А. Поляковым (1921–2012). Он не причислял себя к их кругу, но был вхож в его дом. Его зарисовки «вечеров» у Тихомирова и стилия его общения с ними в домашней обстановке позволяют воспроизвести особенности научного быта историка [9, с. 214–233]. Автор, в частности, с юмором зафиксировал характерный диалоговый пассаж, произошедший между учителем и его любимым учеником Сашей (Александром Николаевичем) Мальцевым. Михаил Николаевич в гневе распекал его за не завершенную им в намеченные сроки главу диссертации, предполагая, что молодой человек увлёкся, как он в сердцах выразился, «дамой полусвета». Аспиранту же, усердно работавшему в архивах, с трудом удалось вернуть к себе расположение Тихомирова лишь рассказом об обнаружении им в архиве «чудо-грамотки». После изложения её содержания произошло примирение с извинением от учителя в характерном для него стиле: «Ладно, ладно. Ну – погорячился. Забудем. Как писал Пётр Апраксину: «Да не напаятует всяк сей случай» [9, с. 218–219].

Свою диссертацию «Борьба за Белоруссию в 1654–1656 гг.» А.Н. Мальцев защитил в МГУ в 1948 г. В последующем он готовил к изданию монографию о взаимоотношениях России и Белоруссии в XVII столетии. Друзья прожившего недолгую жизнь А.Н. Мальцева (1921–1964) в 1974 г. завершили подготовку её текста к изданию [10]. В этой примечательной акции памяти своего товарища несомненное выражение получают особенности самой ученической среды питомцев Тихомирова, прежде всего чувство солидарности корпорации учеников М.Н. Тихомирова. Можно предположить, что они продолжали те направления научного поиска наставника, которые он реализовывал в диссертационных проектах учеников. Редакторами книги Мальцева стали его друзья и соученики по школе М.Н. Тихомирова – тогда уже известные историки: В.А. Александров и Л.В. Милов, рецензентом издания выступил А.А. Зимин.

К вопросу о поколениях учеников М.Н. Тихомирова

Е.В. Чистякова, развивая тему его школы, в основу своих наблюдений и подсчетов численности учеников М.Н. Тихомирова положила документы из его личного фонда: «два машинописных листочка – списки его аспирантов (24 чел.)» [4, с. 357]. По её наблюдению, этот список был составлен Михаилом Николаевичем не ранее 1962–1963 гг. Само по себе существование списка учеников, защитивших диссертации, является свидетельством пристального внимания Тихомирова к творческому пути и судьбам своих подопечных, их важности в онтологическом целеполагании научно-педагогической деятельности М.Н. Тихомирова. Их успехи являлись и некоей духовной опорой историка, и могли рассматриваться им как собственный вклад в подготовку новых поколений ученых-историков. Со свойственной для него скрупулёзностью Тихомиров вел учет защищённых диссертаций, фиксируя некие итоги этого процесса в тех самых двух листочках. Он и в дневниковых записях отмечал факты защит. Так, 24 мая 1955 г. Тихомиров засвидетельствовал защиту кандидатской диссертации Е.И. Вайнберг. Результаты голосования («12 – за, 3 – против») он сопроводил ремаркой: «<...> Это 11ый кандидат наук из моих учеников» [1, с. 398].

Опираясь на информацию самого Тихомирова и уточнив её на момент написания статьи, Е.В. Чистякова в 1990 г. реконструировала фамильный список учеников, создававших под его руководством кандидатские (30 человек) и докторские (3 человека) диссертации.

Список его подопечных предстаёт как историографический источник, позволяющий раскрыть масштабы научной школы Тихомирова и научные интересы его учеников, защищавших диссертации в 1940-х – первой половине 1960-х гг., и даже уже после его смерти – в 1970-е годы. В составленные списки учеников Тихомирова с темами их диссертаций Е.В. Чистякова намеренно включила и перечни их последующих научных публикаций [4, с. 358–368]. Вероятно, это было сделано в целях демонстрации научного потенциала учеников Тихомирова, продолживших научные традиции учителя и ставших в своем большинстве видными представителями исторической науки. Представленный ею опыт выявления и фиксации состава учеников Тихомирова, несомненно, имел и коммеморационную основу. Пожалуй, подобной уникальной практики сохранения длительной памяти об учителе в советской историографии не было.

Характеризуя особенности научной школы Тихомирова, Чистякова особо подчеркнула значение его личностных качеств на поприще учителя: «Обаяние Михаила Николаевича, динамизм его натуры, множество идей и инициатив, которые он осуществлял, его энергия притягивали к нему не только непосредственно учеников, но и широкий круг научной молодёжи <...> При всей вспыльчивости и порой нетерпимости к нему тянулись, как к незаурядной личности» [4, с. 357]. Проникая в особенности нравственного мира историка, автор отметила «непреложные условия», которые он выдвигал для своих подопечных: «заинтересованное отношение к делу, добросовестность исследователя, гражданская порядочность и нравственность по отношению друг к другу. Только тогда двери его дома были широко открыты, в ином случае они закрывались, и порой навсегда» [4, с. 356]. Оставленные ею наблюдения и благодарное признание неоспоримых заслуг учителя на научно-педагогическом поприще было, несомненно, реализованной потребностью ученицы отдать долг памяти глубокоуважаемому учителю.

Опираясь на составленный Е.В. Чистяковой в строго алфавитном порядке список тихомировских учеников с фиксацией их научных публикаций, в том числе после защит диссертаций, предпримем несколько иной – *хронологический* подход – к систематизации полученных ею данных, что позволяет представить школу Тихомирова как схоларную структуру, сложившуюся из нескольких поколений.

Первые защиты диссертаций под руководством Тихомирова состоялись еще в 1943 г. – М.Г. Рабиновичем (1916–2000; защищался в МГУ) и Ф.П. Шевченко (1914–1995; защищался

в МГИАИ). Правда, в это время Тихомиров как руководитель значился – в первом случае в паре с А.В. Арциховским, во втором – с А.Н. Сперанским. Контакты с этими первыми аспирантами Тихомиров поддерживал до конца жизни.

Более активная фаза руководства аспирантами и защит ими кандидатских диссертаций пришлось на середину – вторую половину 1940-х гг. Именно тогда сформировалась первая генерация его учеников, дружно защитивших диссертации в 1947–1949 гг. В те годы опыт защит диссертаций (в МГУ) прошли шесть его учеников-аспирантов, во многом заложивших традиции взаимодействия с учителем, сохранения памяти о нём и внесших впоследствии существенный вклад в историческую науку. Вот их полный состав и даты защит: В.А. Александров (1947), Е.В. Чистякова (1948), А.Н. Мальцев (1948), А.П. Пронштейн (1949), С.О. Шмидт (1949), М.В. Фехнер (1949). Все они, кроме Фехнера, защитившей диссертацию, напрямую связанную с археологией, уже в 40-летнем возрасте и не относившейся к ядру этой когорты, представляли одно поколение людей, рожденных в 1920-е годы. Время их студенчества пришлось на период Великой Отечественной войны. Именно они, учитывая особенности личности учителя и обстоятельства его жизни, предопределили складывание неповторимой атмосферы взаимоотношений с учителем, когда научные проблемы и задачи их вхождения в научное сообщество органично оказывались связанными с жизненными ситуациями каждого, что учитель всегда имел в виду.

В 1950-е гг. последовала волна второго поколения учеников, представленного одиннадцатью персонами: И.Б. Греков (1950), Ш.Ф. Мухамедьяров (1950), Н.Н. Покровский (1955), А.Л. Хорошкевич (1957), Л.В. Милов (1957), Д.И. Тверская (1959) и др. С 1960 по 1965 г. включительно диссертации защитили 6 человек, которые стали началом формирования когорты третьего поколения учеников. Это В.И. Сергеев (1962), А.И. Рогов (1964) А.Г. Кузьмин (1965), Л.Л. Муравьева (1965) и др. Уже после смерти Тихомирова – с 1966 по 1979 гг. – завершили создание диссертаций и защитили их еще 5 учеников из этого позднего поколения, в их числе: Л.М. Костюхина (1966), Н.Б. Шеломанова (1971), В.Б. Павлов-Сильванский (1979) и др.

Подчеркну, что и у самого Тихомирова применительно к формирующемуся кругу учеников была потребность их восприятия как поколенческих структур. Характерно его письмо Чистяковой от 3 сентября 1948 г. В нём есть лёгкий намёк и на идеологические «проработки» Тихомирова в 1948 г. и выражена его рефлексия

относительно появления новых учеников. Приглашая Чистякову к встрече («у меня») во время планируемого ею приезда в Москву, он сообщал: «<...> так хорошо было бы всем встретиться вместе. Теперь уже будет два поколения, старшее Ваше, и младшее <...>» [1, с. 676].

Из трёх докторантов, работавших с Тихомировым, несомненно, следует выделить А.А. Зими́на, представившего портрет историка на страницах своего «Храма науки» [3]. После смерти С.В. Бахрушина М.Н. Тихомиров становится научным консультантом Зими́на при подготовке и защите им докторской диссертации (1959 г.). Но их научные, деловые и дружеские контакты сложились раньше – еще со второй половины 1940-х гг. Зими́н был ровесником учеников историка первого поколения. Своими друзьями из них он называл В.А. Александрова и А.Н. Мальцева. Письма Зими́на к Тихомирову свидетельствуют о прочных его связях с учениками историка и осведомленности в области их научной и приватной жизни [1, с. 486–491].

В свете этих фактов научная школа М.Н. Тихомирова представляется многослойным феноменом, складывавшимся из нескольких поколений учеников. Персональный их состав с учетом наблюдений за спектром научной проблематики, сложившейся в их творчестве, свидетельствует, что существенная их часть осталась верна проблематике, хронологически вписывающейся в актуальные для Тихомирова периоды и проблемы средневековой истории России.

Другой стороной школы Тихомирова является особая атмосфера взаимоотношений, сложившаяся как на уровне внутришкольных отношений и по линии индивидуальных контактов «учитель – ученик», так и по линии межличностных отношений внутри ученического круга. Интенции этой школы закрепились и получили развитие после ухода М.Н. Тихомирова из жизни.

С.О. Шмидт об учителе

Сразу после смерти М.Н. Тихомирова, ставшего ещё в 1956–1957 гг. инициатором создания, а потом и ответственным редактором «Археографического ежегодника» как издания источниковедческой и археографической ориентации, в память о нем был собран и издан специальный его выпуск [11]. С 1970 г. на титульном листе ежегодника за 1968 г. появилась стабильно присутствующая в последующем запись: «Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым» [12]. Несомненно, это была форма научного поминовения историка и признания-подчеркивания его заслуг. Тогда ответственным

редактором издания стал близкий по научным интересам и межличностным отношениям с Тихомировым В.И. Шунков (с 1966 по 1967 г.), а после его смерти – ученик первого С.О. Шмидт (с 1968 по 2013 г.).

Археографический ежегодник за 1965 г. начинал готовиться к изданию еще самим Тихомировым. Но оказался наполнен публикациями учеников историка, став местом его памяти, поскольку вышел после его смерти. Статья С.О. Шмидта об учителе открывает это издание [13]. Характеризуя особенности творческого портрета наставника, Шмидт отмечал значение его педагогического мастерства, тесно сопряженного с научно-исследовательскими его интересами: «М.Н. Тихомиров обладал редким даром просто характеризовать сложные исторические явления <...>». Автор особо подчеркнул талант учителя как творческого собеседника, «прирожденного педагога», мастера <...> учительной беседы <...>. Преподавательская деятельность была ему внутренне необходима» [13, с. 17, 23].

С.О. Шмидт подчеркивал, что таланты Тихомирова-ученого и Тихомирова-учителя сложились под влиянием высокочтимого им наставника – С.В. Бахрушина. Цитируя одно из писем Тихомирова Бахрушину, написанное им в связи с присвоением последнему Государственной премии, Шмидт акцентировал примечательное высказывание Тихомирова о связи учителя и учеников в их творческом общении. Рефлексия Михаила Николаевича в адрес опыта своего учителя, наверняка, стала основой его собственной позиции: «Ваш успех в конечном счете является успехом Ваших учеников. Тут уж какая-то неразрывная связь. Потому что, если профессора выбирают студентов для продолжения их работ, то ведь студенты тоже выбирают для руководства профессоров» [13, с. 23–24]. Шмидт, таким образом, связал между собой опыты наставничества Бахрушина и Тихомирова, устанавливая связь схолярных традиций в российском историко-научном сообществе, явственно формировавшихся с конца XIX – начала XX в. Очевидно, их и проецировал М.Н. Тихомиров на общение и работу с учениками.

С.О. Шмидт подчеркнул, что «Михаил Николаевич владел особым искусством “улавливать” учеников – заинтересовывал их трудными и свежими темами, подбадривал и поддерживал робких, вовремя останавливал зарвавшихся <...>» [13, с. 25]. Опираясь на собственный опыт общения с учителем, Шмидт раскрыл особенности организации Тихомировым семинара по отечественной истории периода феодализма и способы отбора им тех, кого бы он хотел ви-

деть в качестве своих учеников-дипломников. После завершения семинарских занятий у первокурсников, вспоминал он, Тихомиров пригласил для беседы несколько студентов с целью предложить им темы самостоятельных исследований. Шмидт признавался, подчеркивая наставнический талант Тихомирова: «Нас поразили вначале и самый факт подобного предложения со стороны большого ученого и тщательно продуманные, удачно подобранные темы, отвечавшие индивидуальным склонностям каждого из нас. Стало очевидно, что руководитель семинара, строго и даже придирчиво относившийся к нам во время занятий, внимательно изучил нас, безошибочно определив и наши склонности, и наши возможности» [13, с. 27]. Несомненно, за этой характеристикой М.Н. Тихомирова стоит признание оригинальности личности ученого, его неповторимых качеств и способностей к стезе учительства. Очевидно, что и известный семинар С.О. Шмидта в Историко-архивном институте, давший современной исторической науке многих крупных исследователей, корнями уходит в семинар М.Н. Тихомирова.

В 1966 году Шмидт высказал суждение о том, что из большого числа студентов, работавших под руководством Тихомирова, «правильнее было бы ограничить круг его непосредственных учеников» – тех, «кто писал под его руководством дипломные работы и кандидатские диссертации и далее оставался тесно связанным в своей работе с Михаилом Николаевичем» [13, с. 27]. За этой сентенцией просматривается некое стремление представителя старшего поколения его учеников 1940-х гг. заявить особое их право на учительство Тихомирова и память о нем. Войны за память учителя между поколениями учеников, однако, не случилось. Вместе с тем нельзя не признать, что именно представители старшего поколения учеников историка являлись лидерами поминовения и сохранения памяти о Тихомирове как историке и учителе.

А.А. Зимин о М.Н. Тихомирове

Несмотря на сложные взаимоотношения двух историков, заставлявшие М.Н. Тихомирова не единожды высказывать в адрес А.А. Зимина довольно суровую критику [1, с. 333, 366, 435–436 и др.], именно Зимин в 1970-е гг. в своем «Храме науки» создал один из лучших для своего времени очерков о М.Н. Тихомирове. Он отметил тогда, что полное жизнеописание историка еще впереди, когда будут опубликованы его воспоминания. Но «отдавая должное Михаилу Николаевичу и как ученому, и как создате-

лю целой школы историков, и как организатору науки», Зимин посчитал необходимым «объяснить “феномен Тихомирова” хотя бы в первом его приближении» [3, с. 156]. Эта фраза свидетельствует, что для Зимина образ Тихомирова на тот момент еще не приобрел полноты воплощения в памяти современников, а сам он его деятельность относил к категории феноменальных явлений в науке, хотя и не мог абстрагироваться от личных впечатлений.

Зимин, как и Шмидт, не мог пройти мимо факта ученичества Тихомирова у Бахрушина, подчеркивая влияние на него опыта этого историка [3, с. 158]. Под руководством Бахрушина, как известно, работал и он сам, создавая текст кандидатской диссертации, защищенной им в 1947 г. Будучи сверстником и другом некоторых учеников Тихомирова из первого поколения, Зимин особо выделял личность Михаила Николаевича из плеяды московских ученых-историков, посещал его дом и его также почитал своим учителем. Свою докторскую диссертацию он, пройдя докторантуру Тихомирова, выступившего в качестве его научного консультанта, защитил в 1959 г.

Характеризуя Тихомирова как ученого и человека с особым набором личностных качеств, он подчеркнул его оригинальность, не скрывая при этом специфики его натуры и ума. Используя шутливое именование историка, используемое в кругу учеников, он резюмировал: «Мыслителем-философом Михал Николава назвать трудно <...> Но историю и родную землю он любил. Что-то в нем было исконно московское, в духе Погодина, Забелина, Беляева <...> В нем намешено было все: и самодурь, и истерия, и любовь к фимиаму, и трогательная забота о своих питомцах <...>» [3, с. 162, 163].

«Наши отношения с Михаилом Николаевичем претерпели на протяжении лет некоторые изменения, но, как правило, были добрыми. Он мне головоломку устроил при обсуждении главы диссертации, сказав, как можно писать о Волоколамском монастыре, не побывав в нем. И я съездил <...>» [3, с. 166], – признался Зимин, имея в виду свою работу над докторской диссертацией. Это свидетельство Зимина станет более понятным, если иметь в виду такую черту Тихомирова-историка, как стремление обязательно увидеть собственными глазами и осязать руками артефакты, сохранившиеся от изучаемого явления. Поэтому, несмотря на болезни и недомогания, он много путешествовал по местам исторических событий средневековой России. К этому он приучал и учеников, нередко его сопровождавших в таких поездках. Подобные исторические экскурсии становились оригинальными способами обучения их истории.

Обращаясь к теме хорошо известного закрытого обсуждения/осуждения труда Зимина о «Слове о полку Игореве» (май 1964 г.), когда Тихомиров отказался участвовать в этом деле, Зимин, пережив это событие, зафиксировал: «Уже после обсуждения незадолго до того, как ему лечь в больницу, я все-таки решил навестить его (знаю душой, шкурой, что старик тоскует – ведь он в какой-то мере считал меня своим наследником, учинившим персонально ему такую пакость). Звонок. Открывает он. Наши глаза встретились. И без всякого раздумья обнялись и поцеловались <...> Но главное было без слов. В главном все-таки разницы между нами не было. Каждый из нас по-своему любил дело своей жизни и своих близких. Мир его праху!» [3, с. 167].

Отношение Зимина к конкретным представителям школы Тихомирова, с некоторыми из которых он дружил, было персонализировано. Кого-то он уважал и ценил, кого-то недолюбливал и несколько дистанцировался от них, поскольку у него был свой опыт ученичества у учителя их учителя – С.В. Бахрушина. Однако пришел к выводу: «Тихомировцы – в общем, это марка. Среди них нет вульгарных социологов. У всех них унаследованный от учителя вкус к конкретной истории <...>» [3, с. 164].

Подводя некий итог характеристике Тихомирова, Александр Александрович заключил: «Одномерных людей не бывает. При всех своих слабостях <...>, он сделал для науки много. <...> Именно Тихомиров, пользуясь властью, данной ему Судьбою, возродил важнейшие начинания, которые могут продлить жизнь нашей науки» [3, с. 167]. Зимин, в частности, имел в виду создание им Археографической комиссии, кафедры источниковедения в МГУ, возобновление издания Полного собрания русских летописей, а также переиздание трудов дореволюционных историков, в частности В.Н. Татищева и В.О. Ключевского. «Его немудрящие труды не содержат того повсеместного насилия над историей, к которому прибегали некоторые из его коллег, чтоб втиснуть живых людей в стальные оковы схем. А публикации памятников, выполненных Тихомировым, суждено жить долгие десятилетия» [3, с. 167–168].

М.Н. Тихомиров и Н.Н. Покровский: отеческие заботы и сыновий долг

Так уж получилось, что у Тихомирова не было семьи и детей, а Н.Н. Покровский (1930–2013) в ранней юности лишился отца – Николая Ильича Покровского (1897–1946), историка по

образованию, защитившего в 1938–1939 гг. в Ленинградском университете кандидатскую и докторскую диссертации, посвященные истории и культуре северокавказских народов XIX в., и подготовившего к изданию книгу на эту тему [14, с. 259–276]. Умершего по непонятным до конца причинам отца Н.Н. Покровского его потомки и прежде всего сам Николай Николаевич не только почитал всю жизнь, но и, выполняя свой сыновий долг, издал в 2000 г. его давний труд. Хорошо известно, что и судьба Н.Н. Покровского сложилась драматично, но в этой драме ученый вышел победителем. Стать таковым во многом ему содействовал не кто другой, как Михаил Николаевич Тихомиров.

По окончании исторического факультета МГУ Покровский в 1952 г. был принят в аспирантуру Тихомирова, защитил в 1955 г. кандидатскую диссертацию «Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в.». Однако связь Н. Покровского с нелегальным кружком Л. Краснопевцева и Л. Ренделя [15] прервала его начавшуюся было научно-преподавательскую карьеру. Из шестилетней ссылки (1957–1963) он вернулся без права проживания в столице и 100-километровой зоне от неё. Случилось это за два года до смерти Тихомирова, и тот сделал всё, чтобы обеспечить ему продолжение научной деятельности.

В этот самый сложный для Покровского период безнадёжных поисков работы его поддержал и П.А. Зайончковский – тогда, «<...> когда не ко всякому можно было обратиться за помощью <...>», – писал Покровский. «Реально помог Петр Андреевич, помог безо всякой просьбы», – фиксировал он в своих мемуарных записках [16, с. 558–560]. В короткой зарисовке своих взаимоотношений с ним, начавшихся еще в студенчестве, Покровский с глубочайшей благодарностью к историку сообщал, что Зайончковский сам ему позвонил и сообщил, что нашел для него работу. «Да еще какую!» – с восторгом сообщал Николай Николаевич: «Во Владимиро-Суздальском музее» [16, с. 560]. Работал он там в течение полутора лет в качестве заместителя директора этого музея-заповедника. Полученный опыт станет для него значимым в новосибирский период его жизни.

На этом же этапе еще более основательно – по-отечески – взял судьбу ученика в свои руки М.Н. Тихомиров. По сведениям Николая Николаевича, в конце 1963 г. учитель посвятил его в планы передачи своей богатой коллекции рукописей, старопечатных книг, икон, копий архивных документов Сибирскому отделению АН. Ссылаясь на свидетельства С.О. Шмидта, Покровский заметил, что это решение Тихомиров

вынашивал еще с 1960 г. По возвращении Покровского из ссылки Тихомиров, имея уже в планах его трудоустройство в Сибирском отделении, сразу привлек его к процедуре передачи своей коллекции в Новосибирск. К этому времени у Тихомирова уже были установлены деловые контакты с руководителем Сибирского отделения АН – М.А. Лаврентьевым.

Из Суздаля в Москву, несмотря на запреты, Покровский приезжал часто, навещая в эти приезды Тихомирова. В один из дней учитель предложил заехать к нему, когда у него были новосибирские гости – М.А. Лаврентьев и А.Л. Яншин. Как выразился Покровский, «эта встреча была и моими “смотринами”» [16, с. 552]. С новосибирцами его учитель не только договорился о приеме его в состав научных сотрудников открывшегося в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук, но и организовал передачу в эту молодую академическую структуру своей знаменитой коллекции древнерусских артефактов – именно туда, где будет работать его ученик Н. Покровский [16, с. 551–554]. Тихомиров понимал, что эта коллекция станет для него стартовой основой научной деятельности в Сибири. Стоит заметить, что, несмотря на недомогания, Тихомиров и сам приезжал в Новосибирск, выступая там с лекциями.

В феврале 1965 г. Н.Н. Покровский при содействии С.О. Шмидта занимался упаковкой коллекции учителя, а при помощи своих друзей по школе – А.И. Рогова и В.Б. Павлова-Сильванского – осуществлял погрузку тихомировских ценностей на железнодорожном вокзале, доставив их по назначению 23 февраля 1965 года. Он писал, осознавая особую роль Тихомирова в своей судьбе: «...я покинул быстро пустеющую квартиру Михаила Николаевича, из которой коробки с книгами отправлялись на восток. Но я еще долгие, долгие годы ощущал весомую поддержку его руки» [16, с. 554].

В Академгородке Покровский продолжал испытывать преследования в виде «идеологических доносов». В этой ситуации помощь ему пришла из круга учеников Тихомирова. Он вспоминал: «Однажды, когда доносчикам, казалось, удалось целиком заблокировать все мои сибирские планы, и даже А.П. Окладников сообщил мне, что ему все труднее противостоять доносам, меня еще раз выручила дружеская спайка учеников Тихомирова. Л.Л. Муравьева (см.: [1, с. 523–529]. – Н.А.) смогла дать ход моему смиренному прошению не мешать работать. Его рассмотрел благожелательно сам грозный Комитет партконтроля при ЦК – и милостиво распорядился оставить меня в покое. Но это уже другая история» [16, с. 554].

Итак, с легкой руки Тихомирова его собственный археографический проект теперь уже при помощи Н.Н. Покровского получит продолжение в Академгородке Новосибирска. Эту акцию можно воспринять как часть научного освоения Сибири в XX веке. Его ученик, как известно, сделает в Новосибирске блестящую карьеру ученого и, продолжая дело учителя, создаст свою научную археографическую школу. Во всем этом было выражение «сыновьего долга» Н.Н. Покровского перед своим учителем, запечатленном им и в мемуарном наследии.

Такое явление в науке, как «школа Тихомирова», применительно к концу 1940-х – первой половине 1960-х годов имело особую природу. Она феноменальна и неповторима по своей сути в силу ряда факторов. Во-первых, ввиду особенностей натуры историка-учителя, воспринявшего традиции еще дореволюционных историко-научных школ и обладавшего способностью «свое суждение иметь» в условиях драматических обстоятельств существования в СССР 1930–1960-х гг. гуманитарных сфер знания. Во-вторых, в силу особой атмосферы послевоенного времени, усилившей стремление научной молодежи к обновлению исторического знания, отягощенного политико-идеологическими установками. М.Н. Тихомиров, конечно, оставался человеком своей эпохи – советским ученым. Но осознавая особенности своего времени, он сопротивлялся политико-идеологическому давлению и умел оценивать коллег и своих учеников, исходя прежде всего из проявлений их лучших человеческих качеств и профессионализма. Честность в науке, преданность научным принципам были главным мерилом его взаимоотношений в научном мире и в кругу своих учеников, основой которых являлось его поистине отеческое отношение к ним. Они же, помня уроки наставничества своего учителя, на протяжении длительного времени оставались верными хранителями его памяти и создателями новых поколений ученых.

Историографическое изучение школы М.Н. Тихомирова позволяет выстроить научную преемственность от его учителя С.В. Бахрушина к своим ученикам, которые в совокупности своей существенно продвинули изучение истории средневековой России. Тем самым был соблюден континуитет в движении от дореволюционной академической истории к науке о прошлом в СССР. Определенный иммунитет к идеологическим деформациям был выстроен за счёт внимания самого М.Н. Тихомирова и его учеников к сугубо историческим и источниковедческим проблемам эмпирического свойства (что подчёркивал А.А. Зимин). Во многом склады-

ванию такой ситуации способствовало и унаследование М.Н. Тихомировым от Б.С. Бахрушина форм работы с учениками при написании ими квалификационных трудов – диссертаций. Причём это наставничество переходило за рубежи принятого академического руководства к дружеским и даже квази-«родственным отношениям». В этом можно видеть влияние субъективного фактора – отсутствие семьи и человеческое одиночество М.Н. Тихомирова.

Ещё одним важным последствием «высшей» научно-педагогической деятельности М.Н. Тихомирова стало возникновение и развитие научных центров в регионах страны, которые было принято считать провинциальными – Ростов-на-Дону, Новосибирск... Там, в свою очередь, сложились школы учеников М.Н. Тихомирова.

Благодарное отношение учеников М.Н. Тихомирова к своему учителю подтверждает тезис о восприятии ими своих успехов как результате его тёплого человеческого отношения к ним. При этом в ученической среде сформировалось хотя и слабо выраженное, но соперничество за память об Учителе. Несмотря на эту скрытую внутреннюю конкуренцию, кристаллизация человеческого фактора в педагогике М.Н. Тихомирова, проходящая красной нитью через эго-тексты его учеников, стала важной в рождении феноменальной школы М.Н. Тихомирова в исторической науке России.

Список литературы

1. Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 784 с., ил.
2. Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 22. Лл. 1–68.
3. Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.
4. Чистякова Е.В. Школа М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского / Отв. ред. академик Д.С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 352–367.
5. Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров: 1893–1965. М.: Наука, 1987. 160 с., ил.
6. Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» // Новые исторические перспективы. 2016. № 1 (2). С. 78–88.
7. Александров В.А. Принципы научно-исследовательской деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 325–336.
8. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном универ-

ситете с 1934 по 1954 г. Библиографический указатель. Выпуск первый. М.: Изд-во Московского университета, 1956.

9. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. 455 с.

10. Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Изд-во Московского университета, 1974.

11. Археографический ежегодник за 1965 г. «Посвящен памяти академика М.Н. Тихомирова». М.: Наука, 1966.

12. Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970.

13. Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 7–30.

14. Алеврас Н.Н. Защита диссертаций Николаем Ильичом Покровским в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 259–276.

15. Сергеев В.Н. «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева Л. Ренделя. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69> (дата обращения: 09.10.2024).

16. Покровский Н.Н. Письма и воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2022. 720 с., ил.

THE EXCLUSIVE TEACHING EXPERIENCE OF M.N. TIKHOMIROV IN THE MEMOIRS OF HIS GRATEFUL DISCIPLES

N.N. Alevras

Mikhail Nikolaevich Tikhomirov (1893–1965) fully deserved to remain in the memory of the Russian scientific community both as a historian of source studies and as an unsurpassed organizer of science, who aimed young people at developing academic understanding of Russia's past. The author's attention is focused on the peculiarities of the perception of his personality by students as the creator of one of the first scientific schools in the historical science of the XX century. The historiographical sources were texts of personal origin of historians or elements of ego texts in their historiographical works. Their study revealed a significant subjective psychological and anthropological factor (the personality of the scientist and his psychological motivation) in the formation of an original and promising scientific school of M.N. Tikhomirov. In many ways, it ensured the preservation of the academic traditions of historical science in pre-revolutionary Russia during the transformations of the transition to the USSR. A periodization by generations of the scientific school of M.N. Tikhomirov is proposed.

Keywords: the scientific school of M.N. Tikhomirov, generations of students, commemorative practices, memories of the teacher.

References

1. Academician M.N. Tikhomirov: Memoirs. The diaries. Correspondence with students. M.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 784 p., ill.

2. Archive of the Russian Academy of Sciences. Coll. 1577. Aids 2. 22. Ll. 1-68.

3. Zimin A.A. Temple of Science // The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the XX century / Comp. A.L. Khoroshkevich. M.: Aquarius, 2015. 440 p.

4. Chistyakova E.V. School of M.N. Tikhomirov // Social consciousness, bookishness, literature of the feudal period. On the 60th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Nikolai Nikolaevich Pokrovsky / Ed. academician D.S. Likhachev. Novosibirsk, 1990. P. 352–367.

5. Chistyakova E.V. Mikhail Nikolaevich Tikhomirov: 1893–1965. M.: Science, 1987. 160 p., ill.

6. Kovel, V.V. M.N. Tikhomirov and the campaign against «bourgeois objectivism» // New historical perspectives. 2016. № 1 (2). P. 78–88.

7. Alexandrov V.A. Principles of scientific research activity of M.N. Tikhomirov // Archeographic Yearbook for 1968. M.: Science, 1970. P. 325–336.

8. Doctoral and candidate dissertations defended at the Moscow State University from 1934 to 1954 Biblio-

graphic decree. Issue one. M.: Publishing House of the Moscow University, 1956.

9. Polyakov Yu.A. Historical science: people and problems. M.: ROSSPEN, 1999. 455 p.

10. Maltsev A.N. Russia and Belarus in the middle of the 17th century. M.: Publishing House of Moscow University, 1974.

11. Archeographic yearbook for 1965 «Dedicated to the memory of Academician M.N. Tikhomirov». M.: Science, 1966.

12. Archeographic yearbook for 1968. M.: Science, 1970.

13. Schmidt S.O. In memory of the teacher (Materials for the scientific biography of M.N. Tikhomirov) // Archeographic yearbook for 1965. M.: Science, 1966. P. 7–30.

14. Alevras N.N. Defense of dissertations by Nikolai Ilyich Pokrovsky at the Leningrad University // Bulletin of the Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 1. P. 259–276.

15. Sergeev V.N. «University business»: formation of oppositional views of L. Krasnopevtsev and L. Rendel's group. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69> (Date of access: 09.10.2024).

16. Pokrovsky N.N. Letters and memoirs. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 720 p., ill.